

Сергей Мурашев, член СП России

Поездка в Лопшеньгу

Моё знакомство с Юрием Павловичем Казаковым началось с «Тихого утра» в школьной хрестоматии. Я помню, как поразил меня рассказ. В детстве сам заядлый рыбак, я почувствовал то, что пережили ребята, и даже удивился, что со страниц книги повеяло туманом, утренними запахами и счастьем простого человека, рано вставшего и вобравшего в себя всю красоту вокруг. Помню, тут же перечитал рассказ, не понимая, что со мной произошло. Это, конечно, невероятное умение: вскрыть внутреннюю жизнь природы, организма, человека, при этом оставив всё это живым, нетронутым. А не так, чтобы полоснуть ножом, вывернуть наружу все органы — и чтоб на этот труп не хотелось смотреть.

Умение вскрыть внутреннюю жизнь, не повредив организму, роднит всех настоящих писателей. Только у каждого из них свои способы, свои приёмы. Казаков работает с полутонами, полузвуками, но особенно удивительны те моменты, когда лучи света преломляются в какой-нибудь одной точке и весь рассказ преобразается, освечивается изнутри. Я помню, как здорово появляется собака в рассказе «Вот бежит собака»:

«Как раз в эту минуту из придорожных кустов показалась собака и побежала по шоссе, наискось пересекая его. Она была мокра от росы, шерсть на брюхе и на лапах у нее курчавилась, а капли росы на морде и усах бруснично блестели от заалевшего уже востока.

— Вон бежит собака! — сказал Крымов, машинально, не думая ни о чём. — Вон бежит собака! — медленно, с удовольствием повторил он, как повторяют иногда бессмысленно запомнившуюся стихотворную строку.

Собака бежала деловито, целеустремленно, не глядя по сторонам, и стояла такая тишина, что слышно было, как по асфальту клацали её когти.

Наконец и шофер появился из лесу, вышел на шоссе, посмотрел на бегущую собаку, посвистал ей, но она не обернулась».

Перечитывая такие отрывки, мне кажется, я гляжу на мир глазами Казакова. Прочитаю или припомню — и вижу, можно сказать, сквозь росу на усах собаки, сквозь Пушкинский кристалл.

Когда появилась возможность в день рождения Юрия Павловича Казакова побывать в северной деревне Лопшеньге, которую полюбил писатель и целыми летами жил в ней, я не смог отказаться. 7-8-9 августа там проходил фестиваль «Поедемте в Лопшеньгу!» Поехал вслед за целеустремлённой собакой.

Из Каргополя мы с поэтом Александром Логиновым выехали вечером в дождик, говорят — дождик к хорошей дороге. Удивило то, что хотя мы билеты покупали в разное время и даже в разных городах, места наши оказались в одном вагоне и даже рядышком. Это настроило на то, что поездка будет удачной.

Утром в Архангельске мы присоединились к делегации. Уже одно то радостно, что собрались мы вместе для серьёзного предприятия. Поэты Константин Скворцов, Павел Косяков, Александр Логинов; прозаик Николай Дорошенко; генеральный директор Уральской оружейной фабрики «Никон» Николай Новиков; член правления Поморского землячества в Москве Елена Колеватова; литературовед, кандидат филологических наук, доцент МГУ Анна Евтифьева; заведующая отделом современного искусства Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» Зоя Кулешова; представитель «Кенозерского национального парка» Марина Милютина и маленькая девочка. Как оказалось позже, девочка эта ехала к бабушке. Слава Богу, что взяли её, ведь добраться до Лопшеньги непросто: сначала на микроавтобусе до Луды, затем нас перевезут на катере через Унскую губу, и дальше поедem уже на другой машине. Снова пошёл сильный дождь, сквозь стёкла окон, сколько не трёшь рукой, видно плохо. На лобовом стекле работают дворники. Вскоре после Северодвинска асфальтированная дорога кончилась и пошла грунтовка. Она вся раскисла от дождей, разбита машинами. Едем как по стиральной доске,

под колёсами булькает, хлюпает, с крыши микроавтобуса иногда выплёскивается целое ведро воды, видимо, где-то есть углубление, в котором она скапливается. Иногда кажется, что стирает нас в машинке, лишнюю городскую грязь смывает. Удивительное дело, но девочка воспринимает дорогу спокойно и как должное, словно она каждый день по ней ездит, для неё это привычно. И я вдруг вспоминаю, что важна не только сама цель путешествия, но и путь.

После четырёхчасового переезда, четырёхчасовой стирки выйти из автобуса в Луде на воздух, пусть даже под дождь, одно удовольствие. Катер национального парка «Онежское поморье» (присоединённого теперь к Кенозерскому национальному парку) только один, поэтому нас делят на две группы. Я попадаю в первую группу. Сначала идём медленно, иногда под килем всего полметра. Дело в том, что сейчас отлив и вода малая. Фарватер петляет, ориентируемся по вешкам, воткнутым в дно. Наконец вышли на широкую воду. И снова нас трясёт, теперь на волнах, вытрясает последние городские мысли и настраивает на деревенский спокойный лад.

На другой стороне Унской губы пристани нет, катер подойти к самому берегу не может, поэтому нас переносят капитан и его помощник. А что делать, ведь ни у кого нет сапог с длинными голяшками. Чувствуешь себя несколько неприспособленным к жизни.

Дальше мы поедem на школьной буханке. В салоне полно комаров. Наконец-то дождались! Не мы их, а они нас: есть кого поесть!

— Что это их так налезло много? — спрашивает кто-то.

— А это местные, — отвечает водитель.

— В смысле, местные? В машине живут?

И все смеются.

— Да нет, здесь раньше лес пилили, так они в опилке выводятся.

Много тут.

Если до этого больше молчали, отделяваясь редкими фразами, думая о чём-то своём и перестраиваясь, то теперь разговорились. Рассказываем

истории из жизни, обсуждаем увиденное. Словно пересекая губу, пересекли какую-то черту в другой мир. Едем мы теперь на той самой машине, на которой целый учебный год школьники из одной деревни ездят в другую, чтобы учиться. Удивительное дело, ехать сквозь лес в школу 18 километров. Вспоминаю о девочке, она осталась со второй партией. Это хорошо, пусть отдохнёт немного, чая попьёт. Мы снова едем по тряскам, но к ним как-то уже привыкли. Дорога пошла песочная. Деревья подступили совсем близко и касаются машины. Вокруг открывается сосновый невысокий бор с беломошицей. От этого белого мха даже сквозь запотевшие стёкла становится светлее. Показалось яркое солнце, всё заблестело вокруг в его лучах. Местами переезжаем небольшие ручьи и речки, иногда болота.

— Вон-вон, морошка! — кричит кто-нибудь, хотя уже несколько раз видели россыпи этой янтарной ягоды, но, видимо, так хотелось крикнуть ещё раз, что сдержаться было просто нельзя.

На борах кое-где попадаются шляпы первых красноголовиков. Вскоре стали встречаться высокие песчаные дюны, которые надуло ветром с моря. Вот уже и дорога повернула в их сторону, и мы выехали к Белому морю. Стало легче и глубже дышаться. По морю бегут лёгкие волны, гонят белые барашки. На берегу лежит, не оседает пена, оставленная волной морская растительность. Мы едем по самой кромке воды, волны буквально бьют в колёса, иногда даже приходится въезжать в море, обруливая, выброшенную на берег огромную корягу, похожую на чудовище. Редко-редко вдалеке вдруг появится изба рыбаков, она медленно увеличивается в размерах, проплывает мимо и ещё долго видна в заднее окно машины. И я уже чувствую, что все понимают, что попали в сказочные места.

Перед подъездом к деревне Яреньга снова начинает моросить дождь. Поселение расположено на холме, дома поставлено хаотично. «Словно кто солью посыпал», — точно подметил Николай Дорошенко. А, может, именно в таких деревнях и хранится соль земли нашей?

В Яреньге нас ждал тёплый приём: уха из свежей горбуши, горячий чай, посещение музея и живое общение с директором клуба.

В деревне семьдесят с небольшим человек, несколько детей. «Каждый ребёнок на перечёт, — удивился Николай Новиков. — У каждого свой номер». А мне, человеку из глубинки, это не удивительно. Во всех деревнях так: каждый житель учтён. Не пришла бабушка в магазин: осталась буханка хлеба, и никто её уже не купит, останется сиротой. Поэтому с каждым покупателем продавец поговорит, каждого о жизни расспросит, узнает, что ему надо, что заказать. Без взаимопомощи, без тёплого общения в деревне нельзя, особенно на севере: не выжить. Не станет человека — меньше станет выручки в магазине и его закроют. Всем станет хуже. От каждого выбывшего из деревни человека образуется дыра.

Музей в Яреньге образовался недавно. Люди вдруг словно поняли, что необходимо сохранить то, чем жили предки, рассказать об этом детям. Экспонатов за короткое время насобиралось довольно много. Есть как предметы быта, так и орудия, необходимые для добычи рыбы и зверя. Интересно, например, деревянное ведро-подойник с длинным носом как у чайника. Так удобнее было переливать молоко в другие емкости. Но самый запоминающийся экспонат — это компас петровской поры. С ним ходили на промысел далеко в море. Компас был единственным на всю деревню, его берегли как зеницу ока и хранили сразу в двух футлярах. Почти каждому из нашей делегации удалось подержать компас в руках. Николай Новиков подарил директору клуба иконку на золоте, произведённую на его предприятии.

До Лопшеньги оставалось 18 километров. Настроенные на новый лад, направляемые старинным компасом, мы быстро добрались до неё.

Лопшеньга, в отличие от Яреньги, выстроилась вдоль берега в несколько линий. Дома словно солдаты на плацу, глядят на море своими окнами. В поселении есть средняя школа, кирпичный клуб и два магазина. «Лопшеньга — вот она, самая живая деревня на Летнем берегу, — писал

Глеб Горышин. — Избы окнами на восток, колыхание моря, белые птицы на серых камнях... И — ощущение запечатлённого мгновения какого-то недоступного смертному высшего счастья...!»

В Лопшеньге нас встретил, уроженец этих мест, прозаик Павел Григорьевич Кренёв. В деревне все его так уважительно и называют: Павел Григорьевич. Он является основным организатором и инициатором Казаковского фестиваля. Он был мальчиком в то время, когда в Лопшеньгу приезжал Казаков, но, может, каким-то неведомым способом передалась ему тогда жажда творчества.

Нас разместили в школьном интернате. Всё здесь напоминает о том, что здесь во время учебного года целыми неделями живут ребята из соседней деревни, в которой школы нет. На стенах весёлые картинки, собранные пазлы, в комнате отдыха — настольные игры. И уже, хоть и чуть-чуть, чувствуешь себя ребёнком.

После небольшого отдыха поездка на тонь, в избушку рыбаков, где для нас организовали уху из горбуши и чай прямо на костре. Это уха ещё вкуснее, чем в Яреньге. Мне объяснили это тем, что там горбуша была поймана уже в реке, а эта прямо в море. Она ещё не отметала икру и даже не пошла на нерест. А вообще, горбуши в этот год идёт очень много, в реки заходит целыми косяками. Говорят, что даже сёмге не даёт войти, отпугивает её.

Хороша была уха! Я уже давно не был на рыбалке, не ел ухи на берегу, не говорил с умными людьми. И вот благодаря фестивалю всё это случилось. А чего стоит Белое море. И я вспомнил отрывок из рассказа Казакова «Свечечка»: «И он вместе со всеми тоже кричал: «За Родину!», а сам видел в эти, может быть, последние свои секунды на земле не Родину вообще, а отцовский дом, и сарай, и сеновал, и огород, и поветь в деревне Лопшеньга на берегу Белого моря!» Такую деревню можно вспомнить, если даже ты тут не родился, наравне со своей небольшой деревенькой или городом, или двором. И стоит привести ещё такие слова Казакова: «Что-то здесь

присутствует, какая-то сила в этих домах, людях, в этой природе, которая делает Север ни на что не похожим...»

Вечером в Лопшеньге в рамках фестиваля прямо на улице прошёл концерт. На площадке перед клубом исполнялись песни, танцы. Писатели, наравне с местными жителями, смогли поучаствовать в различных конкурсах.

На следующий день посещение местного храма, встреча самолёта с представителями администрации Приморского района и Архангельской области. Интересно, что диспетчер местного аэропорта и его единственный работник человек непростой. Это — поэт, член СП России, лётчик Илья Иконников. В его родном городе Онеге аэропорт закрыли, и он перебрался в Лопшеньгу. Говорит, что, если и здесь закроют, то переедет в любую другую точку страны, но останется при самолётах.

Вместе с прилетевшими гостями мы посетили дом, в котором останавливался Юрий Павлович. В доме находится комната-музей. Печка, диванчик, железная кровать, небольшой столик и окна с видом на море. Что ещё надо писателю? Целыми летам жил здесь Юрий Павлович. Девиз хозяйки дома Татьяны Викторовны Михеевой: «Гость в дом — Бог в дом». Она напекла пирогов с картошкой и с рыбой, угостила всех вкусным чаем. Купила Татьяна дом совсем недавно, года два назад, а когда узнала, что это ещё и дом-музей, в котором останавливался Казаков, удвоила свои усилия по оформлению бумаг. Вместе с ней встречают гостей дочка Лариса и два внука. Чувствуется, что в таких руках дом не захиреет, а экспонаты музея будут храниться в целости.

Сразу после обеда начались собственно сами Казаковские чтения, хотя чтениями в прямом смысле слова их было назвать нельзя. Получился хороший четырёхчасовой концерт-марафон. Всем запомнились старинные песни в исполнении местных и районных фольклорных коллективов. Концертные номера перемежались с выступлениями писателей, представителей власти. Интересно рассказала заведующая отделом

современного искусства Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» Зоя Кулешова о том, что значит Лопшеньга в судьбе и творчестве художника Василия Рождественского. О вновь обретенных интересных материалах про Лопшеньгу поведала присутствующим кандидат философских наук, начальник отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия национального парка «Кенозерский» Марина Милютинина.

Особый восторг вызвало у зрителей выступление генерального директора Уральской оружейной фабрики «Никон» Николая Новикова. Он буквально задарил людей, оказавших помощь в организации фестиваля, золочеными изделиями, изготовленными на его предприятии. И дело тут даже не в подарках, а в том, что в Уральском городе Златоуст возродили уникальное искусство златоустовской гравюры на металле, которое зародилось в начале 19 века. И на фоне общей безработицы производство растёт и расширяется, изделия его пользуются популярностью, отмечены многими престижными наградами. Такое возрождение всегда вдохновляет. Но особый подарок преподнёс музею Казакова Павел Григорьевич Кренёв. Это печатная машинка Юрия Павловича, которую передала вдова писателя Тамара Михайловна.

После концерта совместный ужин и закрытие Казаковского фестиваля, два дня пролетели незаметно. Завтра в обратный путь. Хотя многие из писателей решили задержаться немного, чтобы полнее почувствовать Север.

Утром следующего дня я вышел к морю, чтобы попрощаться с ним. И вдруг увидел, как по берегу в белой пижаме, босиком бежит мальчик Лёва, один из хранителей дома, где останавливался Казаков. Лев, Лев Алексеевич.

— Чего ты? — спрашиваю.

— Утренняя пробежка! — крикнул мне на бегу и пошёл на второй круг.

И вдруг мне стало хорошо и радостно.

Обратно добрались как будто быстрее. Всё время светило солнце. Запомнилось, что на корабле опять зашёл разговор о горбуше. От капитана

мы узнали, что её в эти места запустили, она измельчала, но стала брать количеством. Идёт на нерест горбуша раз в четыре года, а когда откладывает икру — сразу погибает. Самец же ещё долго стоит и охраняет гнездо, весь обрастёт мхом, а всё стоит. Его можно поднять рукой, посмотреть и опустить обратно, а он всё стоит. Потом и его уносит течением. В некоторых местах столько мёртвой горбуши, что жители перестают брать воду из реки. Я до самого Архангельска был под впечатлением от услышанного, всё думал об этом.

Грунтовая дорога, казалось, стала ровней, словно её подгладили. И называли дорогу не стиральной доской, а гребёнкой. Когда пошёл ровный красивый асфальт со свежей разделительной полосой, а водитель стал набирать скорость, мне вдруг показалось, что мы взлетаем. И радостно стало, но не от того, что возвращаемся в цивилизацию, нет. А появились свежие силы для работы и жизни. «Недавнюю мою тоску как рукой сняло, и снова захотелось жить», — заканчивает свой рассказ «Свечечка» Юрий Павлович. И мне кажется, что фестиваль «Поедьте в Лопшеньгу» является как раз огоньком в осенней ночи, той свечечкой, от которой хочется жить.